

Агеев, А. Г. Общественно-политическая деятельность рабочего класса Беларуси в 1956-1965 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: (07.00.02). - Минск, 1992. - 229 с.

Сложившаяся бюрократическая система управления и хозяйствования показала свою неспособность добиться осуществления на практике провозглашённых норм социалистической справедливости. Попытки же руководства страны в годы хрущёвской «оттепели» придать социализму больше динамизма, раскрепостить инициативу народа имели обратной стороной более резкую реакцию трудящихся на социальную несправедливость, нарушение трудового законодательства, решения производ-

(с. 75)

ственных вопросов без их участия. После прекращения массовых репрессий рабочие всё чаще стали решаться на различные формы протеста.

С конца 50-х годов увеличился поток жалоб и заявлений трудящихся в вышестоящие инстанции. Центральные органы не справлялись с изучением поступающих сигналов. Это вынудило их изучить практику их рассмотрения на местах. 2 августа 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О серьёзных недостатках в рассмотрении писем, жалоб и заявлений трудящихся». Аналогичное постановление ЦК КПБ от 19 сентября 1958 г. подчеркнуло, что факты волокиты, формализма имеют место в республике¹.

Прошли проверки этого вопроса в отраслях народного хозяйства и областях БССР. Они подтвердили неблагополучность в рассмотрении жалоб трудящихся, выявили «невнимательное, а порой и бездушное, грубое отношение к людям, и удовлетворению их законных просьб со стороны отдельных должностных лиц на местах...»² Соответствующие постановления были приняты партийными, государственными, профсоюзными организациями. Это способствовало наведению элементарного порядка в этом деле, заведению книг учёта жалоб и заявлений, укорочению сроков их рассмотрения, организации часов приёма.

Однако ожидаемого эффекта снижения количества писем, жалоб и заявлений не было. Это говорит о том, что коренного улучшения в работе с ними не произошло. Более того, пропагандировавшееся в средствах массовой информации улучшение работы с письмами трудящихся после принятия этих постановлений вызвало увеличение их числа. Если за 1959 г. в 55 наиболее крупных предприятий г. Минска поступило 65 тыс. заявлений, то за 1960 г. - 104 тыс., в т. ч. 2694 повторных³.

(с. 76)

1 ЦПА КПБ. Ф. 4, оп. 81, д. 1342, л. 18.

2 ЦГАОР БССР. Ф. 911, оп. 1, д. 156, л. 63.

3 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 69, оп. 1, д. 1491, л. 5.

Рост их числа происходил и в целом в 1956-1965 годах. Так в адрес Брестского ГК КПБ в 1956 г. поступило 473 письма, жалобы и заявления, в 1958 г. - 444, 1960 г. - 657, 1962 г. - 944, 1964 г. - 972¹. Таким образом, их общее количество выросло за эти годы более чем в 2 раза. Увеличение их количества наблюдалось и в других организациях.

Анализ работы с письмами, жалобами и заявлениями трудящихся показывал, что невнимание, бюрократизм со стороны хозяйственных руководителей не преодолены. Так, комиссия советского контроля Совета Министров БССР выявила, что неудовлетворительно выполняются постановления партии и правительства в Гомельском облисполкоме, Белорусском промсовете, промысловой кооперации республики, предприятиях лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, т. е. почти во всех проверявшихся в 1959-1960 г. комиссией организациях².

«Более 80% всех жалоб могли быть рассмотрены на местах, необходимо было просто проявить внимание хозяйственным руководителям,» - отмечалось на конференции республиканского комитета профсоюза рабочих пищевой промышленности в 1963 г.³ Однако рабочие зачастую не могли получить ответов на поставленные ими вопросы на своих предприятиях. Собрание партийного актива Гомельской городской парторганизации 25 мая 1961 г. считало «недопустимым», когда справедливые просьбы трудящихся электротехнического завода, строительного управления №47, хлебокомбината и др. не удовлетворяются, и они вы-

(с. 77)

1 ПА Брестского ОК КПБ. Ф. 2, оп. 63, д. 1, л. 89; д. 63, л. 75; оп. 65, д. 1, л. 50; оп. 68, д. 1, л. 43; оп. 72, д. 2, л. 55.

2 ЦГАОР БССР. Ф. 911, оп. 1, д. 213, л. 46; д. 248, л. 24; д. 364, л. 6; д. 372, л. 8.

3 Там же. Ф. 930, оп. 2, д. 42, л. 48.

нуждены обратиться в вышестоящие инстанции¹.

Но и в вышестоящих организациях дело обстояло не многим лучше. Практически во всех организациях просрочивались сроки рассмотрения писем, жалоб и заявлений. Месяцами лежали без движения заявления в 1960-1962 г. в отделах Могилёвского обкома КПБ. В 1959 г. в промышленно-транспортном отделе Гомельского ОК КПБ из 144 писем в установленный срок было рассмотрено всего 31 письмо, в Гомельском горкоме 28%, а в Железнодорожном РК – 24%². В Брестском горисполкоме в 1958 г. почти половина всех обращений была рассмотрена с нарушением сроков, а в Минском в 1960 – 25%³.

Лишь небольшое количество заявлений, писем, жалоб непосредственно рассматривалось вышестоящим начальством. Большинство пересылалось вниз, часто тем лицам, на действия которых жаловались. Это значительно снижало их результативность. Плохо контролировалась дальнейшая судьба обращений рабочих и служащих. Приходившие ответы о принятых мерах часто являлись отписками, а критиковавших начинали преследовать. На эти факты обращали внимание даже периодические издания⁴.

Эффективность от написания жалоб на руководство предприятий была для жалующихся довольно низкой, а угроза притеснения за это достаточно реальной. Администрация в большинстве случаев отделялась символическим наказанием, рабочие же фактически оставались в её власти. Так, после заявления в 1960 г. группы рабочих Брестс-

(с. 78)

1 ПА Гомельского ОК КПБ. Ф. 265, оп. 12, д. 58, л. 122.

2 ПА Гомельского ОК КПБ. Ф. 144, оп. 99, д. 25, л. 83, 128, 129; ПА Могилёвского ОК КПБ. Ф. 9, оп. 118, д. 36, л. 15.

3 ПА Брестского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 16, д. 98, л. 102; ПА Минского ОК КПБ. Ф. 69, оп. 1, д. 1496, л. 250.

4 Внимательнее рассматривать письма трудящихся // Советская Белоруссия. 1958. 27 августа; Чайка Д. Близнецы // Советская Белоруссия. 1964. 30 января.

кого маслозавода в райком партии, на заводе на месяц установилась тишина, а затем начались увольнения честных рабочих. Дважды в течение полугода увольнялась, несмотря на решение народного суда, рабочая этого завода Н. П. Лосик. В своём очередном письме она просит не отсылать её жалобу в район, а прислать, наконец, проверяющего¹. Ещё решительнее действовал директор Концевичского овощесушильного завода Зайцев. Узнав, что 2 работницы написали жалобу из-за лишения их премиальных, он на другой же день уволил их. Приехавшая по жалобе комиссия выяснила, что такая практика реагирования на критику на заводе была постоянной².

Тяжёлые материальные условия жизни, трудности разрешения волновавших трудящихся вопросов на своих предприятиях вели к увеличению роста увольнений с предприятий рабочих. В России издревне бегство крепостных от помещиков, рабочих с заводов было одной из форм пассивного протеста. После отмены в середине 50-х годов сталинского законодательства, фактически прикреплявшего рабочих к своим заводам и фабрикам и жестоко каравшего за самовольный уход с предприятий, начинается быстрый рост текучести кадров. Он отмечался как с целом по стране, так и в Белоруссии.

Особенно тяжёлое положение сложилось в отраслях группы Б, где была ниже зарплата и хуже решались жилищные и социальные вопросы. В лесной промышленности текучесть составила в 1961 г. - 56,3%³. На предприятиях министерства лёгкой промышленности БССР было уволено 12078 человек, 22,1% от числа работавших. Особенно большая текучесть была на льнозаводах. Только за 7 месяцев этого года на Краснопольском льнозаводе убыло 58% от числа работавших, на Чаш-

(с. 79)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 911, оп. 1, д. 629, л. 3-11.

2 Там же. Ф. 930, оп. 1, д. 36, л. 108-109.

3 ЦГАОР БССР. Ф. 279, оп. 5, д. 5, л. 65.

ницком – 38%¹. Очень высокая текучесть кадров была в строительстве. На стройках Витебской области в 1962 г. было принято 13510 человек, уволилось 14464 при среднемесечной численности 15 тыс. человек². Несколько лучше положение было на предприятиях машиностроения и химической промышленности. Но и здесь уволилось достаточно много рабочих. В 1962 г. с Минского завода запасных частей убыло 25% работавших. В 1965 г. с завода им. Орджоникидзе уволилось 15% численности рабочих³. Такие примеры не были единичными.

Со второй половины 50-х годов рабочие всё чаще прибегают и к более активным формам протеста. Наладчик завода им. Молотова Лащи в октябре 1956 г. в связи с предстоящим переходом на новые формы заявил, что «если будем переходить на новую тарифную сетку, то я гудком завода подниму сбор людей». Даже такое заявление одного рабочего вызвало раздражённое внимание районного руководства⁴. Постепенно от угроз рабочие начали переходить к «совершенно недопустимым формам протеста». Появляются первые примеры отказа рабочих от работы в ответ на ущемление их прав.

Как показали наши исследования, выступление рабочих Новочеркаска в июне 1962 г., столь жестоко подавленное, явилось наиболее ярким, но далеко не единственным примером борьбы рабочего класса против злоупотреблений и произвола администрации предприятий, с различного рода перекосами командно-административной системы. Поиск материалов в архивах Беларуси позволил обнаружить 61 случай отказа рабочих от работы на промышленных, транспортных предприятиях и стройках республики, которые явно попадают под определение

(с. 80)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 690, оп. 13, д. 86, л. 108, 117.

2 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 9520, оп. 1, д. 10, л. 23.

3 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 55, д. 550, л. 14; ф. 10874, оп. 1, д. 17, л. 146.

4 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 114, оп. 20, д. 6, л. 10.

забастовки только за период 1956-1965 годов¹. При этом есть все основания полагать, что в действительности их было гораздо больше.

Основными источниками информации о забастовках являются протоколы заседаний бюро областных, городских, районных комитетов партии и документы первичных партийных организаций. Некоторые забастовки последовательно обсуждались на всех этих уровнях. Иногда отказа от работы нескольких человек было достаточно для рассмотрения вопроса в самых высоких партийных инстанциях. Это связано с тем, что данный вопрос считался политическим и протесты рабочих воспринимались как чрезвычайное происшествие, ибо они противоречили официальной идеологии, «подрывали престиж местной партийной

(с. 81)

1 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 4, д. 637, л. 28; оп. 5, д. 24, л. 135; д. 589, л. 4-7; ф. 25, оп. 21, д. 66, л. 209-210; оп. 23, д. 8, л. 31; оп. 31, д. 7, л. 121-122; оп. 32, д. 8, л. 185; ф. 50, оп. 37, д. 8, л. 207; ф. 102, оп. 3, д. 308, л. 17-18; д. 310, л. 111-112, 121; д. 314, л. 3-4; д. 336, л. 181; ф. 378, оп. 1, д. 52, л. 126-133; ПА Гомельского ОК КПБ. Ф. 73, оп. 1, д. 130, л. 178-183; ф. 144, оп. 60, д. 2, л. 84; ПА Минского ОК КПБ. Ф. 23, оп. 23, д. 11, л. 222; оп. 29, д. 7, л. 22; оп. 31, д. 8, л. 27; оп. 33, д. 1, л. 5-6; д. 3, л. 34; д. 4, л. 37; оп. 37, д. 3, л. 178; ф. 25, оп. 2, д. 5, л. 165-166; д. 48, л. 286; оп. 4, д. 68, л. 265-266; д. 561, л. 11-13; ф. 28, оп. 1, д. 214, л. 283; оп. 3, д. 3, л. 15-16; оп. 5, д. 4, л. 50-58; оп. 7, д. 4, л. 45-65; оп. 10, д. 5, л. 127; ф. 69, оп. 1, д. 1245, л. 7, 55; д. 1497, л. 216, 304; оп. 6, д. 7, л. 57; ф. 96, оп. 1, д. 1406, л. 49; ф. 114, оп. 2, д. 14, л. 140-141; оп. 26, д. 13, л. 89; ф. 280, оп. 1, д. 59, л. 66-67, 71-75; ф. 5677, оп. 20, д. 6, л. 25-26; ф. 6052, оп. 13, д. 10, л. 200-201; ф. 7324, оп. 1, д. 17, л. 15-26; ф. 7996, оп. 1, д. 685, л. 314; ф. 10874, оп. 1, д. 83, л. 57-58; ПА Могилевского ОК КПБ. Ф. 9, оп. 84, д. 28, л. 262; ф. 42, оп. 19, д. 6, л. 160; оп. 24, д. 48, л. 90, 106; д. 90, л. 273-285; д. 91, л. [?]; ф. 2951, оп. 26, д. 11, л. 90; оп. 27, д. 14, л. 144; ф. 3093, оп. 1, д. 32, л. [?]-27; ф. 3118, оп. 1, д. 38, л. 2; ЦПА КПБ. Ф. 42, оп. 17, д. 6, л. 157; ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 5, д. 1185, л. 72, 89; оп. 7, д. 293, л. 200-202; д. 306, л. 92-96; оп. 9, д. 215, л. 193-196, 199; д. 299, л. 154-156; д. 304, л. 19-22, 55-60; д. 350, л. 21, 27; д. 624, л. 60; д. 705, л. 140, 212; оп. 11, д. 175, л. 24; д. 390, л. 21; д. 203, л. 84; ф. 911, оп. 1, д. 884, л. 3-4; ф. 1131, оп. 1, д. 269, л. 409.

верхушки»¹.

Поражает быстрота, с какой порой реагировали на совершенно незначительные, с точки зрения сегодняшнего дня, проявления недовольства рабочего класса в партийных организациях. Так 13 и 14 апреля 1959 г., после введения новых норм, отказывалась работать часть рабочих ткацкого цеха шелко-ткацкой фабрики г. Витебска. Уже 14 апреля этот случай был экстренно рассмотрен на заседании бюро областного комитета партии, а 15 апреля, вдогонку, на бюро Витебского ГК КПБ². Такая реакция была типичным явлением.

Достоверность источников далеко не бесспорна и нуждается в тщательной проверке и сопоставлении. Сравнение материалов бюро райкомов, горкомов и обкомов партии с материалами первичных партийных и профсоюзных организаций показывают, что первые во многих случаях уменьшают действительный размах стачек. Почти четверть выявленных случаев в них вообще не отражена. Нередко подчеркивается отказ от работы 6-12 человек, хотя материалы первичек могут свидетельствовать, что эти рабочие были фактически инициаторами, а после того, как они прекращали работу, переставала работать вся смена, весь цех. Так произошло 3 апреля 1961 г. в стальцехе Минского тракторного завода, когда после отказа от работы 7 человек реально простоял весь цех³. 4 апреля 1963 г. открыто высказывали свои требования к администрации и отказались от работы 6 человек из роликового цеха подшипникового завода, а не работал весь участок⁴. Есть и другие подобные примеры. В то же время при забастовке нескольких смен, цехов, количество рабочих может не указываться.

(с. 82)

1 Маврин А. Явка в курилке // Комсомольская правда. 1991. 20 марта.

2 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 5, д. 24, л. 135.

3 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 28, оп. 3, д. 3, л. 15.

4 Там же. Ф. 23, оп. 33, д. 1, л. 6.

К сожалению, из-за отсутствия необходимых документов сопоставление источников не всегда возможно.

Сам термин «забастовка» в документах почти не употребляется. Фигурируют такие выражения как «неприятный факт», «случай», «факт нарушения дисциплины» и т. д. Названия протоколов бюро и собраний также, как правило, замаскированы. Диапазон их широк – от совершенно нейтральных «О состоянии организации труда», «О нормировании труда...» до более определенных, но прямо не говорящих о существовании произошедшего: «О нарушении трудового законодательства...», «О фактах слабой постановки воспитательной работы...». Лишь в редких случаях встречаются названия, конкретно объясняющие содержание события: «О случае отказа от работы группы рабочих...». Архивные документы свидетельствуют об очевидном стремлении скрыть, а если это невозможно, то хотя бы преуменьшить масштабы и значение забастовок. Начальники цехов, участков, мастера пытались сами разрешить конфликты и не торопились сообщать о них вышестоящему начальству. Если это не удавалось, то разобраться в ситуации пробовала администрация предприятий истроек, которая в свою очередь тоже не спешила, несмотря на существовавшие требования, докладывать о случившемся в райком или горком. Директор Гродненской обувной фабрики в январе 1962 г. целый день скрывал забастовку 160 рабочих и лишь, не сумев договориться с рабочими, на второй день позвонил в Гродненский горком партии¹. И это вполне объяснимо, так как несмотря на то, что разбирательства в большинстве случаев заканчивались только выговорами, но неприятности несли большие. Начиналась проверка работы предприятия, состояния техники безопасности, условий труда и, особенно часто, политико-воспитательной работы.

Несомненно, что какая-то часть конфликтов разрешалась на мес-

(с. 83)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 7, д. 306, л. 92.

те и дальше предприятия информация не уходила. Косвенно об этом свидетельствуют протоколы обсуждения забастовок непосредственно на предприятиях, в которых нередко упоминается, что подобные случаи были у нас и раньше. Да и в протоколах райкомов, горкомов, обкомов КПБ ссылки на то, что «подобные факты» имели место и на других предприятиях, также встречаются довольно часто. Все это говорит о том, что реальное число случаев отказа от работы было значительно большим.

В архивах отсутствует какая-либо статистика или учет забастовок. Это затрудняет достоверную оценку забастовочного движения. Можно говорить лишь о минимальной цифре обнаруженных к сегодняшнему дню забастовок. Хотя их общее количество невелико, но и приведенная выше цифра, с учетом уровня развития промышленности республики в те годы и скрытых случаев, достаточно показательна, и, что важно, дает возможность провести статистическую обработку собранного материала.

Забастовки обнаружены на предприятиях всех областей республики, кроме Брестской. Подавляющее их большинство – в местах высокой концентрации промышленности и рабочего класса и городах Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске. Именно здесь случаи забастовок на одном предприятии становились примером и для рабочих соседних заводов. Активен был рабочий класс г. Витебска, где отмечено 18% всех забастовок. Особое положение занимал г. Минск – крупнейший промышленный центр Белоруссии с мощными предприятиями, на него приходилась почти половина всех стачек. Хотя отдельные забастовки были и в средних и даже небольших городах и поселках: Орше, Вилейке, Фаниполе и др. Малое количество забастовок в западных областях республики по сравнению с восточными, по-видимому, объясняется меньшим уровнем развития промышленности и концентрации рабочего класса.

Большинство забастовок были частичными, т. е. охватывали участки, потоки, цеха. Точно определить численность бастовавших невозможно в силу указанных выше причин. Если же судить по протоколам партийных организаций, то количество участвовавших в забастовках рабочих относительно невелико: 27% случаев до 25 человек, 16% - от 25 до 50, в 11 – от 50 и выше. В то же время в 46% случаев нет сведений о числе бастовавших, при этом 10 раз [речь] идёт о забастовках цехов и один раз об общезаводской забастовке, т. е. именно тех примерах, когда бастовало значительное количество рабочих.

Так, 1 июля 1957 г. три смены не работал главный конвейер одного из крупнейших машиностроительных предприятий республики – завода «Гомсельмаш». Рабочие выступили против введения новых норм выработки, игнорирования их мнения при решении производственных вопросов. Уже через день бюро городского комитета партии г. Гомеля признало справедливым возмущение рабочих и наказало виновных¹. Возмущение рабочих было массовым. Именно поэтому в документах не обнаружено упоминание о его численности. По тем же причинам в июле этого года произошла массовая приостановка работы в двух крупнейших цехах Минской обувной фабрики им. Кагановича². Тем не менее, в документах первичной и районной партийных организаций нет упоминания ни о количестве бастовавших, ни о продолжительности забастовки. Безусловно, реальные цифры участников забастовок были значительно выше указанных.

Забастовки проходили на предприятиях всех основных отраслей промышленности; в строительстве, торговле, на транспорте. Но наиболее активными в забастовочной борьбе были машиностроители. На

(с. 85)

1 ЦПА КПБ. Ф. 4, оп. 18, д. 253, л. 285.

2 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 6052, оп. 13, д. 10, л. 200-201.

заводах машиностроения произошли 22 стачки, т. е. 36% от общего количества. Кроме того, фактически металлисты (рабочие ремонтных служб, мастерских) принимали участие в забастовках и на некоторых предприятиях других отраслей. Большое число забастовок на предприятиях машиностроения примечательно. Оно говорит о традиционной боевитости и организованности металлистов в сравнении с другими отрядами рабочего класса.

Часто бастовали рабочие электротехнических заводов. На них пришлось почти пятая часть всех случаев. Всего на предприятиях этих двух отраслей произошло более половины всех забастовок. На них же и наибольшая их повторяемость. Лидерами являлись флагманы индустрии Белоруссии: Минский тракторный завод – 7 случаев за 10 лет, Минский автомобильный завод – 5 случаев, «Гомсельмаш» - 4, Минский подшипниковый завод – 3, Витебский завод электроизмерительных приборов – 3.

Продолжительность почти всех забастовок невелика. Половина длилась до суток, ещё одна треть – двое суток. За это время совместными усилиями партийных и хозяйственных руководителей рабочих, как правило, удавалось уговорить приступить к работе. Длительность забастовок несколько возросла с начала 60-х годов. Если в 1956-1960- г. только каждая пятая забастовка длилась более суток, то в 1961-1965 годах – уже каждая третья.

Лишь в редких случаях борьба принимала более упорный характер, но это часто только свидетельство того, что информация долгое время не выходила за пределы предприятия. С 1 по 12 апреля 1963 года работала неполную смену часть рабочих роликового цеха рессорного завода г. Минска. Рабочие не могли выполнить нормы при соблюдении технологии. Более десяти дней шло уговаривание и запугивание рабочих. Все это время районный комитет партии г. Минска не был информирован о происходившем. Но рабочие продолжали стоять на

своём. И только районное начальство решило вопросы, поставленные рабочими¹.

Документальный материал показывает, что в большинстве случаев возмущение рабочих было справедливым. Вопросы, которые они ставили, можно было решить на месте и не доводить дело до конфликтов. Некоторые конфликтные ситуации возникли из-за незнания рабочими новых условий труда. Требовалось только разъяснение. Но начальство зачастую не хотело и не умело вести серьёзный разговор с рабочими. Такие разговоры нередко перерастали в «пререкания» и «перебранки». Командно-приказные методы управления, господствовавшие в обществе, не способствовали ведению диалога. Рабочих просто не воспринимали как его равноправную сторону. Директор Минской мебельной фабрики им. Димитрова в ответ на предложения бригадира Трушко обсудить с рабочими незаконно изменённые нормы прямо заявил: «Мне нечего с ними разговаривать!» А затем на собрании оскорбил бригадира, посмеявшегося обратиться к нему с таким предложением².

Неумение вести диалог – характерная черта обеих сторон конфликтов. Когда во время забастовки рабочих литейного цеха завода «Гомсельмаш» в июле 1960 г. начальник цеха вызвал зачинщиков, то пришла вся бригада. При этом один из рабочих захватил с собой, как веский аргумент, «железяку», объясняя, что начальника может придётся прибить, всё равно отвечать...»³

Часто встречались факты грубости начальства по отношению к рабочим. На предприятиях и особенно стройках была распространённой ругань. Несмотря на то, что проблема поднималась в партийных,

(с. 87)

1 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 23, оп. 33, д. 1, л. 6.

2 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 6052, оп. 23, д. 12, л. 28-29.

3 ПА Гомельского ОК КПБ. Ф. 73, оп. 1, д. 130, л. 178.

профсоюзных организациях, на страницах периодических изданий число фактов грубости, оскорблений рабочих нецензурными словами, запугиваний и обещаний уволить с работы не уменьшалось. Были случаи избиения, увольнения руководителями рабочих в ответ на критические замечания¹. Директор Бобруйского ремонтно-технического завода вообще за любую критику издавал приказы, как за оскорбление его как директора². Множество подобных фактов, несомненно, оставались неизвестными для вышестоящего начальства и в документах не отражались.

Такое положение не могло не удивлять и возмущать рабочих. Маляр Минского автомобильного завода Л. Н. Овчарова с негодованием говорила на республиканской конференции рабочих машиностроения в 1959 г.: «Когда рабочий обращается к начальнику цеха или мастеру, начальнику отделения, то он на него назверится, люди просто бегут. Просто и открыто скажу, у нас безработицы нет, обеспечены все трудом, но не надо разбрасываться рабочими»³. Председатель завкома Лепельского консервного завода П. И. Никитин, выступая на отраслевой профсоюзной конференции в январе 1956 г., с удивлением заметил: «Вот, например, директор завода, кто он есть? Выходец из рабочих или бывший колхозник, или из трудовой интеллигенции. И этот человек, оказавшись на посту директора, становится не тем человеком...»⁴

Несмотря на то, что, конечно, далеко не все руководители опускались до прямых оскорблений и унижений рабочих, преследований их

(с. 88)

1 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 102, оп. 3, д. 274, л. 186-187; ПА Гомельского ОК КПБ. Ф. 4, оп. 18, д. 289, л. 114; ф. 3723, оп. 22, д. 27, л. 7-8; ПА Минского ОК КПБ. Ф. 7997, оп. 1, д. 688, л. 343; ЦГАОР БССР. Ф. 926, оп. 2, д. 1, л. 26; ф. 930, оп. 1, д. 53, л. 50; ф. 188, оп. 4, д. 1712, л. 152.

2 ПА Могилёвского ОК КПБ. Ф. 2951, оп. 19, д. 3, л. 17.

3 ЦГАОР БССР. Ф. 273, оп. 2, д. 57, л. 181.

4 Там же. Ф. 930, оп. 1, д. 36, л. 9.

за критику, но наличие множества подобных фактов на предприятиях республики позволяет говорить о явлении. Командно-административная система отбирала определённые кадры и вырабатывала в них необходимые ей качества, среди которых забота о людях, умение говорить с народом, несмотря на лозунговую затасканность этих понятий, стояли далеко не на первом месте. Сложившаяся в те годы практика взаимоотношений руководителей и подчинённых свидетельствует о том, что рабочие не представляли самоценности для управленцев и, естественно, что в таких условиях рабочие не могли чувствовать себя настоящими хозяевами своих предприятий. Это не позволяло своевременно разрешать возникающие в этой области противоречия и конфликтные ситуации.

Несмотря на малую эффективность существовавших способов разрешения конфликтов, рабочие, как правило, сначала пробовали разобраться в ситуации на месте, пытались вызвать на разговор администрацию. Чаще всего дело ограничивалось критикой на собраниях, жалобами к проверяющим. Отказ от работы был крайним методом борьбы. Рабочие вынуждены были прибегать к нему лишь тогда, когда все другие формы решения трудовых конфликтов не давали результата.

На Минском заводе им. Вавилова в январе 1964 г. в цехе №9 неожиданно изменили нормы. Рабочие обратились к начальнику цеха за разрешением. Вместо него они услышали, что «погуляете два дня, потом будете работать...» Возмущённые рабочие прекратили работу. Только после вызванного этим поступком переполоха, секретарь партийной организации даже сообщил о случившемся в КГБ (!), с рабочими было проведено собрание, были даны разъяснения, после которых рабочие второй смены уже приступили к работе¹.

На Минском автомобильном заводе в марте 1961 г. ремонтники,

(с. 89)

1 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 7324, оп. 1, д. 17, л. 15.

считая «неверной» новую инструкцию об условиях премирования, пришли на приём к директору. Он пообещал прийти в цех на следующий день, но не сдержал своего слова. В результате рабочие отказались от работы. Пример директора был, видимо, на автозаводе закон для подчинённых. В июне 1964 г. из-за невыполнения начальником цеха своего обещания переговорить с рабочими до введения новых норм произошёл «групповой простой» в цехе серого чугуна¹.

Волокита в решении наболевших вопросов, пустые обещания только усугубляли конфликтные ситуации. Не добившись правды на месте, рабочие обращались в вышестоящие организации. Делегации возмущённых рабочих г. Минска и соседних городков периодически нарушали чинный порядок столичных учреждений.

Остерегаясь открыто конфликтовать с администрацией, рабочие Беларуси применяли такие прогрессивные, с точки зрения марксистской теории, формы борьбы пролетариата западных стран как «замедленная работа», «работа по правилам», «забастовка наоборот» и др. Так, 2 и 3 декабря 1956 г. после введения новых норм сорвали график испытания моторов рабочие сборочного цеха МТЗ². 29 августа 1960 г. 30 работниц трикотажного цеха Витебской фабрики «КИМ» снизили выработку на 40-50%, будучи недовольными новыми условиями труда,³ и т. д.

По годам забастовки распределяются следующим образом:

Год	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
К-во забастовок	-	5	5	5	4	7	13	10	5	7

Обращает на себя внимание рост числа забастовок в 60-е годы. Если в 1956-1960 г. их обнаружено 19, то в 1961-1965 г. - 42. Осо-

(с. 90)

1 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 25, оп. 1, д. 198, л. 123; оп. 4, д. 69, л. 265-266.

2 Там же. Ф. 28, оп. 1, д. 214, л. 283.

3 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 102, оп. 3, д. 336, л. 181.

бенно значительным был всплеск стачечной борьбы в 1962-1963 годах. Её уровень в эти годы в два раза превышал среднегодовой за весь период. На один 1962 г. пришлось более пятой части всех забастовок. Они отличались и большим упорством, более половины из них длилось 2-3 дня.

Сложившаяся ситуация начала серьёзно беспокоить руководство республики. Об этом свидетельствует то, что президиум Совета народного хозяйства БССР от 31 марта по 14 августа 1962 г. вынужден был в той или иной форме 5 раз возвращаться к рассмотрению этой проблемы на своих заседаниях¹. На них отмечалось возросшее количество случаев отказа рабочих от работы. Вопросы заработной платы и нормирования только на заседаниях президиума Белсовпрофа в 1962-1963 годах обсуждались 27 (!) раз².

В этой связи трагические события июня 1962 г. в Новочеркасске уже не кажутся такими случайными. Именно в это время на общий невысокий уровень материального положения трудящихся наложились инфляционные результаты денежной реформы 1961 года и повышение цен на мясо-молочную продукцию в 1962 году. Последнее подтолкнуло и работниц цеха коммунистического труда Витебской швейной фабрики «Знамя индустриализации» на прекращение работы 2 и 4 июня. Этот случай рассматривался на бюро Витебского обкома КПБ. Руководство фабрики было обвинено в «политической близорукости» за то, что не учло совпадение перехода на пошив другого вида изделий с проведением мероприятий правительства по повышению розничных цен³.

В сентябре 1962 г. в партийных организациях промышленных, транспортных предприятий и строек прошло обсуждение постановления ЦК КПБ от 25 августа 1962 г. «О фактах грубого нарушения установлен-

(с. 91)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 1131, оп. 1, д. 287, л. 203.

2 Там же. Ф. 265, оп. 9, д. 350, л. 15.

3 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 5, д. 589, л. 5.

ного порядка пересмотра норм выработки на предприятиях и стройках республики», в котором партийные организации обязывались покончить с бюрократическими извращениями и безответственностью в вопросах нормирования труда¹.

Обсуждение выявило множество недостатков в деле нормирования. Поводом для него послужил отказ от работы 1 августа в прессовом цехе МТЗ 96 рабочих. Для него характерны все типичные черты и других забастовок. В этот день были введены новые нормы выработки. Они не были согласованы с цеховым комитетом профсоюзов. В мае нормы уже повышались. Но вырос план, выработка, а, следовательно, и зарплата. Возникла угроза перерасхода фонда заработной платы и невыплаты премий руководству цеха. Поэтому подготовили новый пересмотр норм. Однако, на этот раз «плохо разъяснили» его необходимость, и рабочие возмутились. Начальник цеха, а затем и директор пытались скрыть факт отказа от работы².

При анализе сложившейся летом 1962 г. ситуации в Совете народного хозяйства БССР отмечалось значительное количество подобных случаев. Постановление СНХ БССР от 18 августа 1962 г. вторично предупреждало директоров о персональной ответственности за правильное применение установленного порядка пересмотра норм выработки и обязывало взять под контроль участки производства, не выполняющие нормы³.

Недостатки в нормировании и грубые нарушения порядка пересмотра норм наблюдались постоянно. Введённый с 1957 года новый порядок пересмотра норм выработки отменил прежний порядок их массового и единовременного пересмотра, обязал разрабатывать планы орга-

(с. 92)

1 ЦПА КПБ. Ф. 4, оп. 81, д. 1689, л. 18.

2 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 28, оп. 5, д. 4, л. 55.

3 ЦГАОР БССР. Ф. 1131, оп. 1, д. 270, л. 161; д. 287, л. 203-206.

низационно-технических мероприятий и по мере их внедрения, по согласованию с ФЗМК, изменять устаревшие нормы. Это расширило возможности администрации на местах и... увеличило количество нарушений. Уже 27 сентября 1957 г. в постановлении ЦК КПБ отмечалось, что руководство некоторых предприятий республики грубо нарушает порядок пересмотра норм выработки, что вызывает недовольство рабочих¹. 18 июня 1958 г. при обсуждении хода введения нового положения на заседании президиума Белсовпрофа также отмечалось, что директора не поняли нового порядка, что очень часто руководители предприятий пересмотр норм выполняли, а мероприятия по поднятию производительности труда не проводили. Это имело место на Бобруйской фабрике им. Дзержинского, на заводе п/я 104, на «Гомсельмаше» и др. предприятиях, что привело к серьёзным ошибкам².

Повышение норм выработок явилось основным поводом к забастовкам. Каждая вторая начиналась в связи с их изменением. Не случайно ещё в апреле 1959 г. бюро Витебского городского комитета после обсуждения очередного отказа рабочих от работы обязало директоров информировать о всех нормах горком и райкомы³. Основными недостатками были: формальное составление планов пересмотра норм, пересмотр их без проведения организационно-технических мероприятий, введение норм без согласования с профсоюзами, не учёт мнения рабочих.

Рабочих иногда не только не предупреждали в соответствии с законодательством за две недели о новых нормах, но и вводили их «задним числом». На Витебском заводе радиодеталей 10 июня 1958 г.

(с. 93)

1 ЦПА КПБ. Ф. 4, оп. 81, д. 1250, л. 43-44.

2 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 7, д. 50, л. 119-120.

3 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 102, оп. 3, д. 310, л. 113.

издали приказ о введении новых норм со 2 июня, что, естественно, вызвало возмущение рабочих¹. На Гродненской обувной фабрике повышение норм выработки было введено 2 января 1962 г., фабком их утвердил 4 января, а рабочие о них узнали только 12 января. Такое грубое нарушение трудового законодательства привело к двухдневной забастовке 160 рабочих. Вопрос рассматривался на заседаниях Белсовпрофа, СНХ БССР, Гродненского райкома партии. Рабочим удалось добиться выплаты среднемесячной заработной платы за январь². И такие случаи были не единичными.

Белсовпроф, СНХ БССР регулярно возвращались к этому вопросу, контролировали одни и те же недостатки, принимали обязывающие постановления, но конкретного улучшения не было. Это происходило из-за двойственности позиции руководства республики: с одной стороны – требовавшей соблюдения трудового законодательства, а с другой – каравшей администрацию предприятий за перерасход заработной платы. Составлялись отраслевые планы пересмотра норм. За их выполнением строго следили. Это подталкивало к их повышению. 16 мая 1963 г. на заседании СНХ БССР критиковалось руководство Бобруйского завода сельскохозяйственных машин за высокий процент перевыполнения норм. Дирекция сделала выводы... И уже 23 июля начальник управления вынужден отменить разовое неподготовленное повышение норм на заводе и строго наказывать директора³.

Это противоречие осознавалось и наверху, и внизу. Рабочие понимали, что их права нарушаются. Шлифовщик Минского автозавода Пузенко А. А., выступая на конференции Сталинского райкома партии г. Минска в декабре 1956 г. говорил, что рабочие держат свою производи-

(с. 94)

1 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 1, оп. 4, д. 637, л. 28.

2 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 7, д. 293, л. 200-201.

3 Там же. Ф. 1131, оп. 1, д. 257, л. 206; д. 331, л. 308.

тельность «про запас», и «они понимают, что проект пересмотра норм отправлен таким, каким он нужен администрации и замечания рабочих не учтены»¹. Ещё решительнее выступали рабочие Шкловской бумажной фабрики «Спартак». На собрании в марте 1958 г. они говорили: «... нормы утверждаются [магчыма, маецца на ўвазе «обсуждаются», але ў тэксце дысертацыі так] после их утверждения... Мы же требуем обратного: обсудить с рабочими проект норм, учитывать мнение рабочих при их пересмотре, а потом уже утверждать их...»²

Попытки передовиков производства значительно перевыполнять нормы всё чаще встречали непонимание и даже отпор со стороны других рабочих, а иногда дело доходило до потасовок. На партийном собрании Витебского завода электроизмерительных приборов в сентябре 1962 г. отмечалось, что снижение производительности труда имеется во всех цехах и на поводу у рабочих идут мастера и начальники цехов. А рабочий Соболевский откровенно рассказал, «что если ты переработал норму, то тебя сразу другие рабочие толкают под бок – мол, что ты делаешь, ты оставляешь нас без зарплаты»³.

Проведённое в 1956-1960 г. упорядочение заработной платы, переход на 7-часовой [?, але так у тэксце дысертацыі] рабочий день сопровождались изменением норм расценок и разрядов рабочих. Это уменьшило резервы экстенсивного роста производительности труда за счёт чисто административных мероприятий. Процент выполнения норм рабочими-сдельщиками, составляющий в 1959 г. 163,8, снизился в октябре 1961 г. до 116,2⁴. Уже в июне 1961 г. на кустовом совещании машиностроителей в г. Минске по вопросам нормирования в выступлениях отмечалось, что уровень тарифных ставок не даёт больше возможности вводить технически обоснованные нормы без снижения заработной платы⁵. Однако на местах

(с. 95)

1 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 23, оп. 19, д. 2, л. 56.

2 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 7, д. 50, л. 36.

3 ПА Витебского ОК КПБ. Ф. 2160, оп. 1, д. 30, л. 51.

4 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 11, д. 77, л. 145.

5 Там же, оп. 7, д. 299, л. 20.

многие руководители по-прежнему шли наиболее простым путём их административного повышения.

Необходимость привлечения рабочих к разработке норм с целью недопущения перегибов и извращений в этом деле сознавалась руководством республики. Ещё в июне 1958 г. президиум Белсовпрофа рекомендовал обсуждать вопросы нормирования на заседаниях постоянно-действующих производственных совещаний¹. Но совещания имели слишком много напра[влений? - пляма] работы и слишком мало прав. Контроль профсоюзов был чаще всего формальным. Комиссии фабзавкомов по заработной плате, за редким исключением работали слабо. Проверка заводов управления электротехнической и приборостроительной промышленности Совнархоза БССР, проведённая в мае 1962 г., показала, что на большинстве предприятий рабочие не привлекаются к пересмотру норм, что приводит в ряде случаев к их справедливому недовольству. Попытки в 1962-1963 г. через общественные нормировочные бюро гармонизировать взаимоотношения администрации и рабочих дали лишь частичные результаты. Решить проблему в целом с их помощью также не удалось.

Итоги 1963 г. показали, что число нарушений трудового законодательства и забастовок по этой причине уменьшаются медленно. По предложению ЦК КПБ 19 марта 1964 г. было проведено республиканское совещание руководителей предприятий и строек. Во вступительном слове председатель президиума Белсовпрофа И. Н. Макаров сказал, что в республике имели место массовые отказы рабочих от работы, а мелких отказов было гораздо больше². Совещание показало, что не только вопросы нормирования вызывали возмущение рабочих. Одна треть всех забастовок происходила из-за несогласия работников с низкой оплатой своего труда. Были случаи отказа получать заработную плату, как это случилось в марте 1963 г. на Могилёвском кроват-

(с. 96)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 7, д. 52, л. 93.

2 Там же, оп. 11, д. 175, л. 1.

ном заводе после запрета директора выплачивать вспомогательным рабочим премии¹. Иногда дело доходило до прекращения работы.

Руководству республики пришлось прибегнуть к испытанной системе административного контроля. К вопросам соблюдения трудового законодательства было привлечено внимание руководства на всех уровнях управления. Прошло несколько массовых проверок состояния дел на предприятиях. Виновные в нарушении были строго наказаны. Всё это дало временный эффект. В 1964 г. количество забастовок уменьшилось. Однако, как только контроль несколько ослаб, уже в 1965 г., вновь началось их увеличение.

Половозрастной состав бастовавших в документах не отражён. Однако, частое упоминание в постановлениях райкомов, горкомов, обкомов партии по фактам забастовок необходимости улучшить воспитательную работу в комсомольских организациях позволяет предположить, что молодёжь, будучи более решительной и менее скованной негативным социальным опытом, активно участвовала в них. Большинство отказов от работы происходило на предприятиях с преимущественно мужским составом рабочих. Тем не менее женщины часто упоминаются среди участников и даже «заводил» этих акций.

Во время забастовок было немало примеров рабочей солидарности с бастующими. Так, почти два дня бастовали 30 рабочих револьверного участка цеха №10 Минского завода им. В. И. Ленина в апреле 1960 г. К работе не приступило большинство рабочих участка, члены цехкома, коммунисты, в том числе и те рабочие, чьи расценки остались на уровне и даже выше прежних². Были случаи, когда начавшись на одном участке производства, забастовка перекидывалась на другие. Однако, в целом акции протеста редко переходили рамки цеха. Ра-

(с. 97)

1 ПА Могилёвского ОК КПБ. Ф. 5943, оп. 1, д. 20, л. 154.

2 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 280, оп. 1, д. 59, л. 66-75.

бочие видели причины нарушений трудового законодательства прежде всего в злоупотреблениях своего руководства. Связано это и с тем, что с 1957 г. нормы изменялись одновременно на разных участках производства. Это способствовало локализации конфликтов.

Большинство забастовок вспыхивали спонтанно. В момент необоснованного повышения норм или получения неожиданно низкой, с точки зрения рабочих, заработной платы, как реакция на явную несправедливость. Но случались и конфликты, которые вызревали дольше. Больше года рабочие сепараторного цеха Минского подшипникового завода требовали улучшения условий труда, выдачи спецпитания и введения дополнительных отпусков по вредности. Администрация, завком мер по охране труда не принимала. После отказа в марте 1958 г. от работы 32 рабочих цеха, проверка санэпидстанции показала превышение нормы запыления воздуха в 10 раз, а по свинцу – в 100 раз. Были приняты меры по улучшению санитарного состояния¹. Электрокарцицы Минского автомобильного завода неоднократно просили освободить их от погрузки и разгрузки электрокаров. Но вопрос так и не был решён. Только тогда рабочие решились на крайнее средство борьбы. 1 октября 1965 г. забастовало 114 электрокарциц. В результате работа автозавода была в значительной степени дезорганизована. Требования рабочих удовлетворили в тот же день².

В целом рабочее движение не вышло за экономические рамки. В ходе забастовок не выявлено политических требований. Не было массового сопротивления политической идеологии. Правда, «антисоветские высказывания» среди рабочих были в 1956 г. на Минском заводе им. Молотова. Так, бывший офицер, рабочий цеха №14 Ермоленко говорил: «Надо уничтожить всех коммунистов, а если не всех, то хотя бы половину»³. Факты клеветы на «нашу советскую действительность» отме-

(с. 98)

1 ПА Минского ОК КПБ. Ф. 69, оп. 1, д. 1245, л. 55.

2 Там же. Ф. 25, оп. 4, д. 561, л. 16-20.

3 Там же. Ф. 69, оп. 1, д. 1088, л. 208; ф. 114, оп. 20, д. 6, л. 10.

чались в 1963 г. на Могилёвских заводах им. Кирова и им. Куйбышева¹. Строитель стройтреста №13 г. Бобруйска И. В. Казак распространял «антисоветские листовки»². Но это как раз те исключения, которые подтверждают общее правило. Тем более что большинство «антисоветских высказываний» с точки зрения сегодняшнего дня были достаточно нейтральными.

Таким образом грубые нарушения социально-экономических прав рабочих, формализм и неэффективность форм привлечения их к управлению производством вызвали усиление конфликтной напряжённости на предприятиях республики, более резкую реакцию рабочих на несоблюдение норм социальной справедливости. Забастовки этих лет не сравнимы с современными ни по масштабу, ни по количеству участников, ни по выдвигаемым требованиям. Они возникали стихийно и не представляли непосредственной угрозы существовавшему режиму, но были индикатором социального неблагополучия. Результативность их была невелика. В конечном итоге администрация предприятия если не сразу, то через какое-то время достигала своих целей, хотя почти в каждом случае рабочие добивались определённых уступок. Забастовочное движение имело оборонительный характер. Рабочие боролись не столько за повышение своего жизненного уровня, сколько против его снижения. Подавляющее большинство открыто не выступало против существовавшей политической системы. Тем не менее борьба рабочих ограничивала пыл зарвавшихся администраторов, привлекала внимание к существовавшим проблемам, способствовала наведению порядка в вопросах соблюдения трудового законодательства.

(с. 99)

1 ЦГАОР БССР. Ф. 265, оп. 9, д. 329, л. 151.

2 ПА Могилёвского ОК КПБ. Ф. 3093, оп. 1, д. 31, л. 116.